

СВЕТЛАНА САМУИЛОВНА МИНЦ

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России факультета истории, социологии и международных отношений
Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)
culture@kubsu.ru

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XXI ВЕКА МЕЖДУ ФИЛОСОФИЕЙ И КУЛЬТУРОЛОГИЕЙ

А н н о т а ц и я . В конце XIX – начале XXI века историки стали уделять повышенное внимание мерности в истории. Особенно усилился этот процесс с 1970-х годов. Ученые начали активно пользоваться различными циклическими шкалами измерения кризисных явлений от 3–4-летнего цикла Китчина, 12-летних циклов Игнатьева, 45–60-летних циклов Кондратьева до большого исторического времени Броделя, масштабов исторического времени и пространства Померанца, 400–600-летних циклов Фурсова и т. д. Вновь оказались актуализированы понятия общественно-экономических формаций, стадияльного развития цивилизаций. Это стало одним из типичных признаков смены одной научной парадигмы другой в масштабах культурно-исторических эпох. В статье обсуждаются два аспекта из поставленной проблематики: о понятиях постмодерна и постпостмодерна; о рамках, очерчивающих положение современного источниковедческого знания об историографических источниках в актуальной исторической культуре. Рассматриваются структурный состав исторического знания и изменения в проблематике современного источниковедения с точки зрения смены научной парадигмы эпохи Модерна парадигмой новой культурно-исторической эпохи – эпохи Постмодерна. Подходы к изучению источников, созданные разными парадигмами, сосуществуют в науке одновременно из-за разнообразия функций и синтетической природы исторического знания. Наука эпохи Постмодерна ставит вопрос о культурологическом содержании исторического знания, что позволяет современному источниковедению ввести в орбиту своего функционирования приемы и методы изучения одних и тех же источников в обобщениях разной логической емкости и, главное, обеспечить сопоставимые траектории движения исторической мысли при переходе с одного уровня обобщения на другой. Сравняются возможности источниковедения как специальной и системной дисциплины, дается динамическая модель дискурсивного поля историографических источников. Подчеркивается потребность актуальной исторической культуры в освоении многофакторности поля источниковедческих штудий, топологической природы исторического знания и динамической природы исторических моделей эпохи Постмодерна.

К л ю ч е в ы е с л о в а : источниковедение историографии, историческая культура, эпоха Модерна, эпоха Постмодерна, уровни обобщений разной логической емкости, общая теория систем, теория динамических систем, структурализм, системный метод, моделирование

Б л а г о д а р н о с т и . Благодарю Родиона Борисовича Галицына за помощь в техническом оформлении статьи.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Минц С. С. Источниковедение конца XIX – начала XXI века между философией и культурологией // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 2. С. 88–94. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.874

ВЫБОР ОБЪЕКТА ОБСУЖДЕНИЯ

Постмодерн – один из модных терминов последних трех десятилетий. Им обозначают эстетическую теорию, образ мыслей, манеру поведения и форму подачи текста, некий период в развитии представлений об истории и многое другое. Термин используют как образ, содержание которого не очень определено. Однако есть целый ряд признаков, в частности быстро изменяющиеся представления о мерности истории,

которые позволяют считать, что в современной науке термин устойчиво обозначает более конкретный феномен. Полагаю, что это оформляющаяся как социокультурный феномен новая культурно-историческая эпоха – эпоха Постмодерна. С последней трети XIX века наблюдается период ее конституирования. М. Ф. Румянцева предложила к обсуждению несколько важных проблем. Выберем из них лишь два аспекта: 1) о выходе современного научного дискурса из ситуации

постмодерна и его переходе в постпостмодерн; 2) о модели взаимодействий макрофакторов, очерчивающих положение современного источниковедческого знания об историографии в актуальной исторической культуре.

О ВЫХОДЕ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ДИСКУРСА ИЗ СИТУАЦИИ ПОСТМОДЕРНА И ЕГО ПЕРЕХОДЕ В ПОСТПОСТМОДЕРН

М. Ф. Румянцева описывает актуальное состояние научных знаний как постпостмодерн. По-моему, и мне неоднократно приходилось отмечать, что современная культура не только не выходит из «ситуации постмодерна», а все более плотно входит в нее. Ситуация постмодерна складывается в последней трети XIX – первой трети XX века, когда в Европе (Португалия, Испания, Скандинавия), России и Латинской Америке рождаются культуры типа отечественной культуры Серебряного века. Они периферийны по отношению к центральной системообразующей для эпохи Модерна культуре европоцентризма. Крайние или, как сказали бы сейчас, фронтирные культуры, культуры расколотого сознания, которым тесно в парадигматике европейской культуры, активно ищут новые формы самоопределения и концентрируют свои усилия вокруг новой эстетической системы, приобретающей общие концептуализированные очертания к 1950-м годам. Определять себя через тип эстетической системы чаще, чем через принадлежность к философским направлениям и течениям, – характерная черта культуры эпохи Модерна. Она активно проявляет себя, когда складывается систематизированное и рационализированное представление о культуре как системном объекте научного внимания (начало XVI – вторая треть XIX века) [13: 90–267]. Реализует себя новая научная парадигма уже в другом дискурсивном поле, в том, что развивается и самоутверждается у нас на глазах. Достаточно вспомнить, что «картина мира», одна из ключевых категорий научного анализа культуры, достаточно четко определила себя как научное понятие лишь к 1970-м годам (подробнее см. [6]). Подобно тому, как культура эпохи модерна рождалась в культуре позднего Средневековья, новый тип историко-культурного развития, будущая культура эпохи Постмодерна рождается на позднем этапе развития культуры Модерна. Сейчас мы присутствуем при конституализации культуры Постмодерна как нового типа культурно-исторической эпохи. Смена глобализации глокализацией, война нарративов в этом процессе длиною как минимум в 120–150 лет –

лишь кратковременные повторяющиеся фазы внутреннего движения поля культуры. Поле исторического дискурса является его составной частью и имеет свои варианты на разных стадиях развития поля культуры – от глобальной, единой для всех людей, человеческой цивилизации до региональных и локальных, характерных для более локализованных во времени и пространстве историко-культурных систем.

Историческая культура – всегда система. Ей придают устойчивость системообразующие элементы структуры – сложившаяся социокультурная среда, картина мира, структурированные представления об обществе и человеке, используемые философские и социокультурные концепты и их частнонаучные производные – концепции, в том числе и историографические. Круг этих системообразующих компонентов исторической культуры достаточно устойчив благодаря относительной устойчивости потребностей человека. Их соотношение, создание более локализованных или более генерализированных вариантов меняется благодаря устремлениям людей к разным формам реализации своих потребностей. Меняется соотношение компонентов историко-культурных структур в рамках устремления структурированной части культуры то к рационализму, то к мистицизму в зависимости от господствующих в типе культуры представлений об идентичности ее активных акторов.

По мере отживания типы идентичности, как и типы картины мира, не исчезают из интеллектуальной жизни социума. Они или их следы остаются и переживаются меняющейся культурой социума вновь и вновь.

Согласна с М. Ф. Румянцевой, что историческая мысль в отечественной исторической культуре развивается в парадигматике идей И. Канта, осмысленных прочтением и переводами его трудов в последней трети XIX – второй трети XX века и переосмысленных отечественной социогуманитаристикой последней трети XX – начала XXI века в масштабах взаимодействия ментальных культур сначала европоцентризма, потом через взаимодействие Запада и Востока. Русское неокантианство конца XIX – начала XX века сыграло и продолжает играть в этом процессе важную роль, но не оно одно. Еще Л. П. Карсавин (1882–1952) обозначил подчеркнутую тягу отечественной историософии к сравнительному изучению разных вариантов развития и изменения в истории [8], а Н. О. Лосский (1870–1965) (кстати, один из активных переводчиков произведений Канта) в своем «Введении в метафизику» рас-

смастривал типы мировоззрения с точки зрения их органичности или неорганичности [11: 8–19].

В современной исторической культуре, как и в мировой культуре в целом, сосуществуют исторические культуры разного типа. Одними из них мы пользуемся активнее, другими менее активно. Но это не значит, что их нет. Их положение в актуальной исторической культуре определяется долей нашего вполне субъективного внимания. Вот только понятие «субъективное» с точки зрения культурологии вполне объективно. Как и выбор масштабов соотношения исторических пространств и времен. Чем уже избранный масштаб, тем больше деталей может описать ученый. Чем шире – тем проще увидеть в них закономерности и законы происходящих процессов [14: 205–396].

С точки зрения гносеологических оснований между исторической культурой эпох Модерна и Постмодерна есть существенная разница. Она – в разных формах системного анализа, на которые ориентированы познавательные интенции представителей разных укладов в исторической культуре. Для эпохи Модерна ориентир – принцип общей теории систем, нацеленный на поиск устойчивых компонентов в многообразии случайных исторических фактов. Принцип может переводиться в набор конкретных стратегий и практик. Их вершиной становится структурный анализ. Он дает заверченный вид исследованиям и помогает строить структурные модели. Они подчеркивают устойчивость изучаемых явлений и процессов. Такие модели по характеру являются (вспомним Лосского) неорганическими. Практика структурализма – диахронный вариант историко-сравнительного анализа: чтобы показать динамику процесса, нужно создать несколько структурных моделей, нанизанных на общую временную ось. Эпоха Постмодерна предпочитает осмысливать поле познаваемых объектов через теорию динамических систем. Фокус ее внимания – временность устойчивости в потоке хаотических трансформаций в многомерном пространстве. Создаваемые модели сосредоточивают внимание исследователей на изменениях в социокультурных системах. Построенные на корректно выделенных системообразующих компонентах, они не только констатируют сложившуюся ситуацию, но и могут давать объемное представление об их положении в многомерном историческом пространстве. Они органичны, живут, способны двигаться, могут быть экстраполированы в прошлое и будущее. На принципах динамического моделирования строятся современная историческая информатика и современная цифровая история (см., например: [3]).

О МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ МАКРОФАКТОРОВ, ОЧЕРЧИВАЮЩИХ ПОЛОЖЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО ЗНАНИЯ ОБ ИСТОРИОГРАФИИ В АКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В актуальной исторической культуре как культуре переходного времени сосуществуют две доминантные научные исторические парадигмы – эпох Модерна и Постмодерна. Поля их дискурса переплетаются, образуя новые конфигурации предметного поля истории, новые возможности для развития источниковедческого знания. В дискурсивном поле исторической культуры эпохи Постмодерна источниковедение осваивает пространство наукоемкого культурологического междисциплинарного взаимодействия, перерастает рамки специальной научной дисциплины и становится системной наукой.

Источниковедение эпохи Постмодерна фиксирует внимание исследователей на сложной структуре исторического знания. Структура, унаследованная от эпохи Модерна, состоит из четырех компонентов (подсистем), исчерпывающих практически всю полноту функций исторического знания. 1. Рассказ (нарратив) – наиболее распространенная форма сбора, хранения, изучения, тиражирования исторических знаний, их использования для нужд социализации людей, социальных групп и целых сообществ (для воспитания, образования, организации производственной деятельности и досуга, сферы науки и искусства). 2. Миф (строго говоря, тоже нарратив, но с более четко определенными функциями) – конкретное знание, превращенное в процессе социокультурной практики в абсолютное (не вдаваясь в подробности, даю предельно обобщенное определение мифа, приближенное к потребностям источниковедения историографии): достаточно жесткий неизменяемый конструкт с конкретизированным социально ориентированным смыслом (как один из системообразующих компонентов социально ориентированного знания, выполняющий функцию механизма коллективного сплочения, создается и охраняется активной частью общества или преследуется им). 3. Считающееся точным историческое знание, полученное и проверенное с помощью определенных технологий и получившее статус исторических фактов (набор считающихся научными фактов, поставленных в систему достаточно структурированного и устойчивого знания определенной картины мира и санкционированного ею образа жизни). 4. Идеи и образы картины мира и места человека в ней в тех субъективизированных формах, которые принимают

ся культурами разных масштабов от всеобщих до местных; они становятся системообразующим компонентом личностной, коллективной и массовой идентичности. С каждой из этих составных частей исторического знания ученым приходится работать разными методами. В центре внимания исследователей оказываются образы истории, созданные определенной культурой и существующие во множестве более или менее общих репликатов. Задача источниковедов – осмыслить и выстроить приемлемые технологии, позволяющие изучать как каждую из частей исторического знания, так и их сочетания, создаваемые определенной культурой и изменяющиеся вместе с ней в зависимости от форм социокультурных взаимодействий. Современная история стремится получить целостное представление о себе и своих носителях, субъектах истории. Задача источниковедения – найти те источники и методы работы с ними, которые позволят это сделать с приемлемой степенью достоверности.

Источниковедение как специальная дисциплина делится на теоретическую и конкретно историческую части. Теоретическая, как правило, ориентирована на общую теорию систем. Конкретно историческая – на выработку навыков работы с источниками для их использования в рамках специально научных исторических методов (генетического, сравнительно-исторического, типологического, структурного, системного). Ориентация на общую теорию систем заставляет историков искать в прошлом и настоящем, как уже говорилось, устойчивые характеристики систем. Господство структурализма в социогуманитаристике 1960–1970-х годов стало признаком того, что классическое историческое знание эпохи Модерна подошло к пределам своих возможностей. Дальнейшее накопление знаний оказывалось возможным преимущественно через увеличение частного знания. В системе современного неклассического знания эпохи Постмодерна модели с акцентом на временность устойчивости и дискретность своего существования приобрели характер органичности и оказались более универсальными. Источниковедение как специальная дисциплина подготовило историческое знание к разработке конкретных стратегий, методов и приемов построения динамических моделей [10].

Источниковедение как системная дисциплина ориентировано на теорию динамических систем и многомерность исторического пространства. Оно строится на обобщении и междисципли-

нарном синтезе. В поле пересечений различных дисциплин рождаются 3D-модели, которые могут разворачиваться в прошлое и будущее, приобретать объемность и конкретность в многомерном пространстве. Дискурсивное поле источниковедения эпохи Постмодерна является неотъемлемой частью информационного пространства. Оно существует в нем и подчиняется его законам. С разными задачами подходили к изучению информационного поля два ведущих источниковеда второй половины XX – начала XXI века И. Д. Ковальченко [9] и О. М. Медушевская [12]. Они поставили вопрос о необходимости рассматривать проблему исторических источников с точки зрения теории информации. Их позиции развиваются и закрепляются в источниковедении проблемами моделирования и упоминавшейся ранее исторической информатики. Радует, что они становятся и частью источниковедческой педагогики высшей школы, например: [4], [5], [7], [15].

Последние 120 лет в нашей стране отличаются особой динамичностью. В поисках лучшего будущего мы несколько раз меняли в ней политический строй и научную парадигму. Каждая перемена – возвращение «к истокам» (фактически к историческому знанию XVIII века) и попытка начинать с нуля. При этом опыт работы в дискурсивных полях науки XX – начала XXI века тоже остается и известным, и востребованным. Благодаря таким переплетениям конфигурация источниковедческих знаний сегодняшнего дня выглядит особенно запутанной.

М. Ф. Румянцева подчеркивает особую роль источниковедения историографии в сложившейся ситуации. Согласна с ней. Тем более, что противоречивость современной источниковедческой культуры ярко проявляется и в этом сравнительно новом сегменте источниковедческого знания. Зато в нем заметнее те парадигмальные изменения, которые происходят в современном историческом знании. Например, в кандидатской диссертации М. П. Вальц «Рецепция идей немецких ученых в работе А. С. Лаппо-Данилевского “Методология истории”» (2015) [2] существенно изменяется представление, что есть научный факт в источниковедении историографии. Источниками в этой работе выступают цитаты из работ немецких ученых в знаменитом труде А. С. Лаппо-Данилевского, а искомыми историческими фактами – выявленные исследовательницей влияния и заимствования. По практикам – работа на уровне конца XIX века (найти вид или разновидность источников, определить, что есть исторический факт в данном конкретном случае,

собрать совокупность точных однозначных конкретных сопоставимых фактов), на уровне результатов – вносит вклад в интеллектуальную историю и историю культуры начала XXI века.

В современном источниковедении, способном быть системной дисциплиной, основным видится противоречие между источниковедением как специальной областью научного исследования и как учебной дисциплиной. Работая над темой, исследователь должен выстроить систему, в которой системообразующую роль будет играть его понимание природы источников, привлеченных к работе, и методов, пригодных для получения из них достаточно точных сопоставимых или хотя бы верифицируемых данных. Источниковед должен уметь ломать стереотипы. Учебная же дисциплина должна строиться на достаточно строгих дефинициях, которые должны оставаться системой координат, обеспечивающей сопоставимость получаемых данных. Давайте посмотрим, в какой многомерной системе координат работает с историографическими источниками источниковед. Пять макрофакторов определяют условия появления и существования историографических источников:

- 1) социально-экономический – действует на формирование субъектов и объектов исторических знаний, условия их развития и потребность в реализации определенных функций научных знаний;
- 2) социокультурный – обеспечивает усвоение социокультурного опыта конкретными носителями и потребителями исторических знаний;
- 3) социально-политический – создает поле совокупных социокультурных взаимодействий, складывающихся для реализации конкретных форм интенций и социальной активности людей;
- 4) социально-психологический – обеспечивает формирование типов создателей, носителей и потребителей исторических знаний; личные свойства профессиональных историков, любителей истории или тех, кто равнодушен к ней, интересуют источниковедов настолько, насколько они способствуют или мешают им реализовывать свое отношение или свой вклад в состояние и социокультурные функции исторического знания;
- 5) логико-гносеологический – создание конкретных форм исторического знания от фундаментальных монографий до учебной литературы для школьников и исторических сюжетов для их репрезентации самой широкой публике.

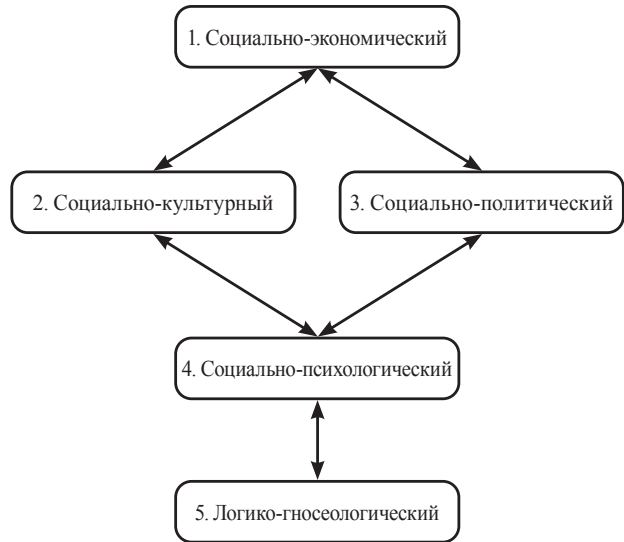

Рис. 1. Макрофакторы, определяющие появление, содержание, состав и функционирование историографических источников

Figure 1. Macro factors determining the occurrence, content, composition, and functioning of historiographical sources

Макрофакторы влияют друг на друга опосредованно. Их воздействие на историографические источники и актуальную историческую культуру конкретизируется через культурологические взаимодействия и взаимовлияния.

ВЫВОДЫ

Источниковедение эпохи Постмодерна рассматривает философские системы как исторические объекты исследования конкретного характера. Оно предпочитает поле культурологических взаимодействий для моделирования динамических процессов исторического знания. Логико-гносеологический фактор – результирующий на этом уровне взаимодействий. В поле логико-гносеологического фактора рождаются все виды и разновидности историографических источников и те источниковые комплексы, которые формируются в процессе их появления и функционирования. Уровни их логического обобщения постоянно меняются в процессе исследовательской практики, нередко в пределах одного исследования. С 1970-х годов по настоящее время источниковедение накопило определенный опыт в рамках подобных штудий. Главное в нем – потребность актуальной исторической культуры в освоении многофакторности исторического контекста, топологической природы исторического знания и динамической природы исторических моделей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Б о р о д к и н Л. И. Моделирование исторических процессов: от реконструкции реальности к анализу альтернатив. СПб.: Алетейя, 2016. 304 с.
2. В а л ь ц М. П. Рецепция идей немецких ученых в работе А. С. Лаппо-Данилевского «Методология истории»: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 25 с.
3. Г а р с к о в а И. М. Историческая информатика: эволюция междисциплинарного направления. СПб., 2018. 408 с.
4. Г о л и к о в А. Г., К р у г л о в а Т. А. Источниковедение отечественной истории: Учеб. пособие для студ. высш. уч. заведений / Под ред. А. Г. Голикова. М.: Академия, 2014. 464 с.
5. Г о л и к о в А. Г., К р у г л о в а Т. А. Методика работы с историческими источниками: Учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / Под ред. А. Г. Голикова. М.: Издательский центр «Академия», 2014. 224 с.
6. Г у р е в и ч А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 318 с.
7. Источниковедение: Учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков [и др.]; Отв. ред. М. Ф. Румянцева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 685 с.
8. К а р с а в и н Л. П. Философия истории. СПб.: АО «Комплект», 1993. 351 с.
9. К о в а л ь ч е н к о И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 440 с.
10. Количественные методы в исторических исследованиях: Уч. пособ. для студ. вузов, обучающихся по спец. «История» / И. М. Гарскова, Т. Ф. Измestьева, Л. В. Милов и др.; Под ред. И. Д. Ковальченко. М.: Высш. шк., 1984. 384 с.
11. Л о с с к и й Н. О. Чувствительная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М.: Республика, 1995. 400 с.
12. М е д у ш е в с к а я О. М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 358 с.
13. М и н ц С. С., Ч е р е м у ш н и к о в а И. К. Человек в пространстве культуры. Волгоград: Изд-во ВолГМУ, 2018. 400 с.
14. П о м е р а н ц Г. С. Выход из транса. М.: Юрист, 1995. 575 с.
15. Теория и методология истории: Учебник и практикум для вузов / Под ред. А. И. Филюшкина. М.: Юрайт, 2023. 323 с.

Поступила в редакцию 13.01.2023; принята к публикации 31.01.2023

Original article

Svetlana S. Mints, Dc. Sc. (History), Professor, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)
culture@kubsu.ru

SOURCE STUDIES OF THE LATE XIX – EARLY XXI CENTURIES BETWEEN PHILOSOPHY AND CULTUROLOGY

Abstract. During the period from the late XIX to the early XXI century, historians increasingly began paying attention to dimensionality in history, with this process intensified in the 1970s. Scholars started to actively use various cyclical scales for measuring crisis phenomena, from the 3–4-year Kitchin cycle, 12-year Ignatyev cycles, and 45–60-year Kondratyev cycles to the *longue durée* historical time concept of Braudel, the scales of historical time and space of Pomerants, 400–600-year Fursov cycles, etc. The concepts of socio-economic formations and the stadial development of civilizations became pertinent again. It was one of the typical signs of shifting from one scientific paradigm to another on the scale of cultural and historical eras. The article discusses two aspects of the posed problems: the concepts of postmodernity and post-postmodernity and the framework outlining the position of the modern source-study knowledge of historiographical sources in the current historical culture. The author examines the structural composition of historical knowledge and changes in the problems of modern source studies from the perspective of replacing the scientific paradigm of the modern era with the paradigm of the postmodern era as a new historical and cultural epoch. Approaches to the study of sources created by different paradigms coexist in science because of the diversity of functions and the synthetic nature of historical knowledge. The postmodern science raises the question of the cultural content of historical knowledge, which allows modern source studies to introduce into the orbit of its functioning techniques and methods for studying the same sources in generalizations of different logical capacity and, most importantly, to ensure comparable trajectories of the historical thought movement during the transition from one level of generalization to another. The article compares the possibilities of source studies as a special and systemic discipline and offers a dynamic model of the discursive field of historiographical sources. The author emphasizes the demand of the current historical culture for mastering the multifactorial nature of the field of source studies, the topological nature of historical knowledge, and the dynamic nature of the postmodern historical models.

Key words: source studies of historiography, historical culture, Modern era, Postmodern era, generalization levels of different logical capacity, general systems theory, dynamical systems theory, structuralism, system method, modeling

Acknowledgements. The author expresses her sincere gratitude to Rodion Borisovich Galitsyn for his technical editing support.

For citation: Mints, S. S. Source studies of the late XIX – early XXI centuries between philosophy and culturology. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(2):88–94. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.874

REFERENCES

1. Borodkin, L. I. Modeling of historical processes: from reconstruction of reality to analysis of alternatives. St. Petersburg, 2016. 304 p. (In Russ.)
2. Valts, M. P. Reception of the ideas of German scholars in A. S. Lappo-Danilevsky's work *Methodology of History*: Author's abstract of Diss. Cand. Sc. (History). Moscow, 2015. 25 p. (In Russ.)
3. Garskova, I. M. Historical informatics: evolution of an interdisciplinary field. St. Petersburg, 2018. 408 p. (In Russ.)
4. Golikov, A. G., Kruglova, T. A. Source studies of national history: Textbook. (A. G. Golikov, Ed.). Moscow, 2014. 464 p. (In Russ.)
5. Golikov, A. G., Kruglova, T. A. Methods of working with historical sources: Textbook. (A. G. Golikov, Ed.). Moscow, 2014. 224 p. (In Russ.)
6. Gurevich, A. Ya. Categories of medieval culture. Moscow, 1972. 318 p. (In Russ.)
7. Source studies: Textbook. (I. N. Danilevsky, D. A. Dobrovolsky, R. B. Kazakov et al.; M. F. Rummyantseva, Ed.). Moscow, 2015. 685 p. (In Russ.)
8. Karsavin, L. P. Philosophy of history. St. Petersburg, 1993. 351 p. (In Russ.)
9. Kovalchenko, I. D. Methods of historical research. Moscow, 1987. 440 p. (In Russ.)
10. Quantitative methods in historical research: Textbook. (I. M. Garskova, T. F. Izmestyeva, L. V. Milov et al.; I. D. Kovalchenko, Ed.). Moscow, 1984. 384 p. (In Russ.)
11. Losky, N. O. Sensitive, intellectual and mystical intuition. Moscow, 1995. 400 p. (In Russ.)
12. Medushevskaya, O. M. Theory and methodology of cognitive history. Moscow, 2008. 358 p. (In Russ.)
13. Mints, S. S., Cheremushnikova, I. K. Person in the space of culture. Volgograd, 2018. 400 p. (In Russ.)
14. Pomerants, G. S. Breaking the trance. Moscow, 1995. 575 p. (In Russ.)
15. Theory and methodology of history: Textbook. (A. I. Filushkin, Ed.). Moscow, 2023. 323 p. (In Russ.)

Received: 13 January, 2023; accepted: 31 January, 2023